

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 — 1970

Ю. Ф. ПРУДНИКОВ

К ВОПРОСУ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ (1794—1796 гг.)

Русская армия конца XVIII в. хронически испытывала некомплектность своего состава, о чем свидетельствуют самые разнообразные документы и материалы. В чем же причины некомплекта? В общей форме ответ на этот вопрос известен — господство крепостническо-сословной рекрутской системы. Но такой ответ, в свою очередь, вызывает ряд вопросов: в чем и как сказывалось влияние рекрутской системы, порожденных ею явлений и учреждений на состав армии, на ее комплектование, на поиски выхода для обеспечения полного комплекта армии. Круг этих вопросов и определяет состав использованных источников, содержание и задачи данной статьи.

Исследуемый период характерен следующим. Только что закончилась вторая русско-турецкая война, но положение на новых русско-турецких границах оставалось напряженным. После второго раздела Польши, весной 1794 г. началось восстание Костюшко, свидетельствовавшее о том, что антифеодальные идеи Французской революции прорвались непосредственно к границам крепостнической России. Большая часть русской армии была двинута к западным границам империи и введена на территорию восставшей Польши. Как же в этих условиях обстояло дело с комплектностью армии?

Командующий Кавказской линией генерал И. В. Гудович рапортовал, что в подчиненных ему 6 двухбатальонных мушкетерских полках (штат каждого полка составлял 2096 человек) насчитывалось соответственно 1760, 1491, 1658, 1570, 1579 и 1602 человека, т. е. некомплект составлял почти 3000 человек. В 8 батальонах 2 егерских корпусов вместо положенных по штату 8096 человек имелось 7045 человек. В четырехбатальонном мушкетерском полку не хватало по штату около 1200 человек, в драгунском — 328, в артиллерийских командах — 214 человек. Таким образом, некомплект на Кавказской линии составлял около 6 тысяч человек¹.

Из рапорта, поданного 16 августа 1794 г. фельдмаршалу П. А. Румянцеву командующим Черноморским гребным флотом генерал-поручи-

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 283, лл. 7—10.

ком И. М. де Рибасом, вырисовывается следующая картина (табл. 1).

Таблица 1*

Армейская часть	Имеется налицо	Положено по штату	Некомплект
1. Днепровский гренадерский полк	1083	2 059	976(969)
2. Николаевский гренадерский полк	1576	3 063	1487
3. Витебский мушкетерский полк	1523	2 424	901(891)
4. Нижегородский мушкетерский полк	1793	2 424	631(623)
5. 9-я рота 1-го канонирского полка	231	243	12
Всего	6206	10 213	4007

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 283, лл. 310 а, 310 об. Цифры в скобках показывают некомплект рядовых.

Тот же де Рибас докладывал Румянцеву 2 декабря 1794 г., что из Днепровского и Николаевского полков сформирован Черноморский гренадерский корпус в составе 4 батальонов со штатом в 1008—1009 человек в каждом. В действительности в этих батальонах соответственно было только 638, 672, 667, 686 человек. Некомплект в корпусе составлял 16 офицеров, 10 унтер-офицеров и 1329 рядовых. Одновременно с этим де Рибас сообщал, что 203 человека, состоящих в штате корпуса, не годятся для несения полевой службы из-за болезни и ран, полученных ими при штурме Измаила и в других сражениях. Де Рибас предлагал, отчислив из полевых частей, создать из них полицейскую роту в Гаджибее. Обращая внимание на некомплект унтер-офицеров, де Рибас просил прислать ему пополнение из солдатских школ².

О положении войск, стоявших в г. Немирове, рапортовал генерал-поручик И. П. Дунин (табл. 2).

Таблица 2*

Наименование воинской части	Положено по штату	Имеется налицо	Некомплект
1. Старонингерманландский мушкетерский полк	2 424	1753	671(651)
2. Полоцкий мушкетерский полк	2 426	1676	750(726)
3. Александровский мушкетерский полк	2 424	1564	860(843)
4. 1-й и 4-й батальоны Белорусского егерского корпуса	2 033	1392	641(630)
5. Стародубский карабинерный полк	892	832	60(53)
6. Острогожский легкоконный полк	1 044	1042	2(2)
Всего	11 243	8259	2984(2905)

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 290, лл. 40 об.—41.

Ведомости по 112 гарнизонным батальонам показывают, что в них общий некомплект против положенного по штату составлял почти 26 тысяч человек³.

На основании полковых ведомостей за июль—август 1795 г. инспекторская экспедиция Военной коллегии составила в октябре 1795 г.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 281, лл. 171—172.

³ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 56, лл. 3—4.

сводную ведомость о наличии и некомплекте в армии. Данные этой ведомости сведены нами в табл. 3.

Ведомость составлялась в связи с тем, что 3 августа 1795 г. были утверждены новые штаты с целью упорядочения численности полков в условиях их перевода на мирное положение, что должно было значительно уменьшить некомплект, характерный для всех армейских частей. По этим штатам в гренадерских полках создавались запасные батальоны, а в мушкетерских полках и егерских корпусах — запасные роты. В связи с этим инспекторская экспедиция составила новую ведомость, в которой содержались сведения о том, что по «нынешнему состоянию» во все пехотные и кавалерийские полки требуется пополнение в количестве 37 625 человек (в том числе 29 557 человек за счет «великороссийских наместничеств»). По новым же штатам, по мнению Военной коллегии, для укомплектования 11 гренадерских и 46 мушкетерских полков, 3 егерских и 1 гренадерского корпусов, 12 мушкетерских и 2 егерских батальонов и 3 драгунских полков за счет «великороссийских наместничеств и губерний» требовалось 18 330 человек. Для укомплектования 8 карабинерных, 8 драгунских полков и 6 егерских корпусов за счет Брацлавской, Изяславской, Могилевской, Полоцкой и Минской губерний требовалось 8409 человек. При переходе на мирные штаты 9 мушкетерских, 2 морских полка, по расчету инспекторской экспедиции, не должны были иметь некомплекта, но даже получить некоторый излишек личного состава. Поскольку «излишних» при этом переходе окажется 4526 человек, то значительно уменьшится число потребных новых рекрут, количество которых сократится до 26 739 человек⁴.

За помещением всех рекрут набора 1794 г. во все войска по новым штатам, по расчету Военной коллегии «великороссийских» рекрут требовалось «по военному времени» на запасные батальоны 12 гренадерских полков, в 43 мушкетерские полка и 1 егерский корпус — 31 619 человек, на 6 егерских корпусов, комплектующихся с Могилевской, Полоцкой и Минской губ. — 11 975 человек. И безотносительно от военного или мирного положения «великороссийских» рекрут требовалось: в гарнизонные батальоны — 24 424 человека, штатные команды — 2895, штатные команды новых губерний — 2000 и замену выслуживших 25 лет и больных — 5000 человек. А для 16 карабинерных, 8 драгунских, 6 кирасирских, 4 конноегерских, 11 легкоконных, 2 гусарских полков, комплектующихся с Брацлавской, Изяславской, Киевской, Новгородско-Северской, Черниговской, Екатеринославской губерний — 5093 человек.

По мирному положению на 6 егерских корпусов, комплектующихся с 3 указанных выше Белорусских губерний, требовалось 4991 человек.

⁴ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 182, лл. 30—39. Следует отметить, материалы самой ведомости и рапорта полков показывают, что в действительности излишек был более скромным, чем ожидала Военная коллегия.

Таблица 3*

Наименование частей	Некомплект
1. Армия П. А. Румянцева	8 291
2. Армия А. В. Суворова	9 136
3. Армия Н. В. Репнина	3 177
4. Корпус М. В. Каховского	468
5. Корпус И. В. Гудовича	2 469
6. Части П. Ф. Берхмана	108
7. Корпус М. И. Голенищева-Кутузова	1 600
8. Корпус С. К. Вязьмитинова	581
9. Егерские и мушкетерские батальоны	4 746
10. Кирасирские, гусарские, драгунские, карабинерные батальоны	2 819
Всего	33 395

* ЦГВИА, ф. 19, д. лл. 13—24, 30—39.

А полагая, что в комплектуемых «великороссийскими» рекрутами 43 мушкетерских полках и егерских корпусах по мирному времени будут излишние люди, и обращая внимание на составление запасных батальонов при grenадерских полках, «потребно в добавку» только 298 человек⁵.

Но переход на мирные штаты не привел, как это ожидалось, к ликвидации некомплекта. Так, после перехода в декабре 1795 г. на новые штаты в 5 grenадерских полках, в Бугском и Черноморском егерских корпусах, в 6 карабинерных и 3 легкоконных полках не хватало 5813 человек. В 3 мушкетерских и 1 морском полках и Финляндском егерском корпусе, находившихся под командованием М. И. Голенищева-Кутузова, не доставало 1377 человек. Имевшиеся у Румянцева и Кутузова в некоторых полках излишние 1412 человек пошли на покрытие убыли отслуживших двадцатипятилетний срок⁶.

Из рапорта 1-й дивизии видно, что по штатам 3 августа 1795 г. 6 grenадерских полков имели по 2700—2800 рядовых и в каждом из них недоставало по 700—1000 человек. Мушкетерские полки были преобразованы в двенадцатиротные и имели в среднем по 1500 рядовых, что было меньше штатного расписания. В эту дивизию по штатам мирного времени требовалось дополнительно 6653 человека для пехотных полков, 1018 для кавалерийских и 131 человек в артиллерию⁷.

О том, что из себя представляла двенадцатиротная структура мушкетерского полка, свидетельствует рапорт Черниговского полка 1-й дивизии от октября 1796 г.⁸. Как отмечается в рапорте, 2 запасные роты имели столько же, сколько и grenадерские и мушкетерские роты, а именно по 136 рядовых в строю. Такое же число рядовых показал в рапорте Румянцеву генерал Прозоровский в отношении Новоингерманландского полка⁹. Сам процесс создания запасных рот позволяет уточнить ордер М. И. Кутузова подполковнику Штейнгелю от 26 октября 1795 г. Кутузов писал: «...прибавленные по новому штату к пехотным полкам по две роты составлены из тех же людей, кои наполняли и десятиротное положение»¹⁰.

Но, поскольку 2 запасные роты были сформированы за счет старых 10 рот полка, поскольку они имели то же число людей, что и основные роты мирного времени, и они ни в какой степени не могли обеспечить развертывание полка по штатам военного времени. Так и произошло, когда в сентябре 1796 г. Екатерина II предписала перевести 8 мушкетерских полков и 2 егерских корпуса на штаты военного времени. Румянцев в своем отношении к командирам дивизий генералам А. А. Прозоровскому и О. Дерфельдену прямо отмечал, что указанные полки и корпуса сформировать за счет запасных рот нельзя, что для этого остается только один выход: «потребное к сему числу из тех полков назначить, кои между другими больше людей имеют»¹¹. В результате перевода одних полков на штаты военного времени те полки, из которых для пополнения реформируемых взяли людей, фактически переставали быть полками даже по штатам мирного времени. К этому нужно добавить, что по предписанию самого Румянцева на каждую запасную роту нужно было оставить по одному офицеру и 10 солдат

для последующего комплектования полка. А это еще больше увеличивало число людей, которых нужно было брать из других полков¹².

Как видим, и переход на штаты мирного времени отнюдь не устранил некомплекта. Причина этого была в сохранении старой рекрутской системы комплектования. Для того чтобы раскрыть влияние рекрутской системы в этом отношении, необходимо рассмотреть, как осуществлялся набор рекрут, как они распределялись и доставлялись в полки, что сми представляли собой, наконец, почему частые рекрутские наборы не приводили к устранению некомплекта в русской армии конца XVIII в.

7 сентября 1794 г. было объявлено о наборе рекрут из расчета 1 рекрут со 100 душ мужского пола. Планировалось, что 68-й рекрутский набор составит около 90 тысяч рекрут. К 1 декабря с 27 губерний и наместничеств было получено 16 237 рекрут и 10 468 человек зачтено по квитанциям. К концу января 1795 г. было принято 39 023 рекрута, февраля — 52 811, марта — 61 849, апреля — 71 342, июня — 74 098, октября — 76 285 рекрут¹³.

Инспекторская канцелярия составила 3 декабря 1795 г. сводную ведомость осуществления 68-го рекрутского набора по 35 губерниям. Было принято 76 632 рекрута, из них в счет 69-го набора 2489 человек, зачтено квитанций 11 909. Но и после этого формально недобор составил 1129 человек¹⁴. Формально, так как в ходе набора рекрутские присутствия, вместо реальных рекрут, получили почти 12 тысяч квитанций на крепостных крестьян, сданных помещиками в предшествующие наборы или сосланных ими на поселение. Таким образом, фактический недобор составлял около 15%.

Но между числом принятых рекрутскими присутствиями и числом полученных непосредственно полками была также значительная разница, увеличивающаяся в связи с тем, что далеко не все полученные полками, оказались пригодными к несению службы.

10 июня 1795 г. Румянцев представил из Ташани в Военную коллегию ведомость на 6514 рекрут, отправленных в счет выделенных коллегией 16 176 рекрут из Севска, Полоцка и Харькова, являвшихся сборными пунктами. В это число не входили бежавшие, умершие и больные. Пополнение предназначалось для 7 grenадерских, 13 мушкетерских полков и 1 егерского корпуса. Кроме того, 760 рекрут было направлено в Таврический егерский корпус.

В Севске и Харькове ожидали отправки еще 3451 рекрут, да на пути в Севск находились партии из Владимира и Рязани численностью в 830 человек¹⁵.

Ведомость Румянцева и сводная ведомость инспекторской экспедиции от августа 1795 г. показывают, что в сборные пункты и от них в полки Румянцева, Репнина, Прозоровского, Гудовича, в Оренбургский и Сибирский корпуса, в артиллерийские части следовало 30 920 рекрут, да в городах находилось 2153 рекрута. Октябрьская ведомость прибавляет еще 14 532 рекрута (из них около 13 тысяч предназначалось для армии Румянцева), и в том числе 5179 рекрут направлялось в армию Румянцева из Стародуба¹⁶.

⁵ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 182, лл. 66—67 об.

⁶ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 73, лл. 2 об.—42.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, л. 1.

⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 328, л. 232.

⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 288, л. 370.

¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 289, л. 146.

¹¹ Там же, лл. 386—387 об.

¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 289, лл. 386—387 об.

¹³ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 59, лл. 2—3; д. 60, лл. 1—3; д. 65, лл. 1—2; д. 66, лл. 1—2; д. 67, лл. 1—2 об.; д. 68, лл. 1—3; д. 70, лл. 1—3.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 71, лл. 1—3.

¹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 284, лл. 104—108 об.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 182, лл. 61 об.—63. Для полков Суворова к Киеву из Стародуба было приведено 4237 рекрут.

Из уездных и губернских городов на сборные пункты рекрутские партии направлялись под конвоем гарнизонных команд, где их сменяли армейские, выделенные частями, в которые направлялось пополнение. Так обстояло, например, с рекрутскими партиями, прибывавшими из Стародуба в Киев для укомплектования войск Суворова, Репнина и Вязьминова.

Поскольку партии поступали в сборные пункты не одновременно, экипировка, вооружение и отправка рекрут в полки весьма затягивалась. Их обмундирование и вооружение осуществлялось около Киева и в местечке Деражня, где находилось оружие и амуниция, оставленные полками в связи с некомплектом. С апреля по сентябрь 1795 г. на укомплектование 11 полков из Стародуба в Киев прибыло 22 рекрутские партии¹⁷. Следует заметить, что большинство партий было невелико и лишь одна из них насчитывала более 300 рекрут. Размеры партий в значительной степени определялись тем, что каждая из них следовала в сопровождении большого конвоя и чем большей была партия, тем больше было нужно выделять конвойных, ослабляя тем самым и без того некомплектные полки. Стоит обратить внимание и на то, что континуруемая партия рекрут мало отличалась от партии арестантов — вели арестантов, а не будущих защитников страны.

Только в конце августа — начале сентября рекрутты, предназначавшиеся для 4 полков, были обмундированы, а для 2 полков — и вооружены, и направлены к месту службы.

Проследим путь рекрут, предназначавшихся для одного из полков — Старооскольского мушкетерского. Военная коллегия определила для этого полка 860 рекрут. С 6 апреля по 14 июня в Киев прибыло 3 рекрутских партии, в которых числилось 710 человек. Но при приемке партий выяснилось, что по пути в Киев 25 рекрут умерло, 9 бежало и 3 негодны к службе¹⁸. Лишь 7 сентября 673 обмундированных рекрута в сопровождении воинской команды двинулись к месту расположения полка. Проделав 29 маршей и сделав 14 дневок, они 19 октября, наконец, прибыли в Новогрудок, где стоял полк. Но по прибытии оказалось, что 17 рекрут умерло, 1 бежал, 37 тяжело больны и 24 слабы, поэтому фактически полк получил лишь 594 рекрута, потеряв лишь за время следования 15% пополнения¹⁹.

Положение, охарактеризованное на примере Старооскольского полка, отнюдь не было исключением, в 11 полков Леванидова Военная коллегия предусматривала направление 6812 рекрут. В действительности было направлено только 5170 рекрут. Воинские команды полков приняли лишь 6026 человек, а сколько из них получили полки и сколько оказалось пригодными к несению службы, можно судить, сопоставив с данными по Старооскольскому полку²⁰.

К концу 1795 г. дивизии Румянцева недополучили 2500 рекрут²¹. Некомплект во всей полевой армии по оценке Военной коллегии составлял 8188 «великороссийских рекрут».

Составленное Военной коллегией в ноябре 1795 г. расписание показывало, что 68-й рекрутский набор не смог покрыть имеющийся некомплект даже и в том случае, когда войска переводились на штаты мирного времени, хотя предполагалось, что «в мушкетерских полках от

устройения их по мирному времени» образуется излишек. С учетом тех солдат, которые подлежали увольнению в отставку, в пехотные части требовалось 10 874 человека, а в 16 конных полков и 6 егерских корпусов, комплектование которых осуществлялось за счет недавно вошедших в состав России украинских и белорусских земель, недоставало 8409 человек. На восполнение этого некомплекта Военной коллегией назначалось 15 751 рекрут, уже нового 69-го рекрутского набора²². Вспомним, что 2489 рекрут было принято в счет будущего набора уже в ходе 68-го набора.

Особенностью набора 1794 г. было то, что одновременно с набором рекрут с 8 500 120 «великороссийских душ» осуществлялся сбор рекрут почти с 2 миллионов душ украинских и белорусских земель Минской, Полоцкой, Могилевской, Брацлавской и Изяславской губерний, отошедших к России после разделов Польши. Население этих территорий должно было обеспечить рекрутами 6 егерских корпусов, а также 16 карабинерных и драгунских полков. Кроме того, указ 7 сентября 1794 г. предусматривал, что оказавшиеся излишними после укомплектования указанных частей рекруты могут направляться на восполнение некомплекта в другие полки. Однако расчеты Военной коллегии на возможность пополнения некомплекта воинских частей, формировавшихся «великороссийскими рекрутами» за счет рекрут с новых территорий, не оправдались. Более того, как свидетельствует помета в делах инспекторской экспедиции, относящаяся к осени 1795 г., оказалась недостача 2916 рекрут «с новых и белорусских губерний». И Военная коллегия была вынуждена распорядиться восполнить эту недостачу за счет рекрут «великороссийских губерний»²³.

Екатерининское правительство стремилось распространить рекрутскую повинность на все территории Российской империи. Но если в отношении белорусских земель, вошедших в состав России еще по первому разделу Польши, это было осуществлено, то с украинскими и белорусскими землями, присоединенными совсем недавно, обстояло гораздо сложнее. Украинское население по особым указам царского правительства комплектовало десятки конных полков, конных и пеших команд. Постепенно распространяя на него рекрутскую повинность, правительство временно сохраняло за отдельными категориями населения право комплектования ими конных и пеших команд. Так, 250 тысяч казаков и около 100 тысяч бывших церковных крестьян Украины, а также казачьих подсоседков, разночинцев Киевской, Черниговской и Новгородско-Северской губерний комплектовали карабинерные полки. Однако и здесь комплектование происходило с большими трудностями, о чем свидетельствует отношение Румянцева к Дерфельдену от апреля 1796 г., в котором отмечается, что карабинерные полки, «комплектующиеся из малороссийских казаков, не получая очень давно рекрут, а другие, комплектуя кирасирские полки, сами большой недостаток в людях имеют»²⁴. Правильность утверждения Румянцева подтверждают рапорта Нежинского и Тверского карабинерных и Переяславского конноегерского полков, находившихся под его командой. В этих рапортах отмечается, что несмотря на наличие в полках некомплекта, получение ими рекрут за счет очередного набора не предусматривается. А Малороссийский grenadierский полк, также находившийся под командой Румянцева, хотя и получил по 68-му набору 870 рекрут, но не из украин-

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, лл. 59 с об., 78—79, 86, 89—90, 93, 96, 97, 100—101, 161—162, 162 с об., 170 с об., 194, 206 с об.

¹⁸ Там же, лл. 59, 79—81 об., 210—211.

¹⁹ Там же, лл. 320—321.

²⁰ Там же, л. 212 с об.

²¹ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 73, лл. 4 об.—28.

²² ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 182, лл. 76—80 об., 103—108.

²³ Там же, л. 65.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 298, л. 69.

ских казаков, как это предусматривалось, а из «великороссийских губерний»²⁵.

Помимо карабинерных полков казачество украинских губерний комплектовало несколько конноегерских и конногренадерский полк. Во второй половине 1794 г. был вновь собран корпус украинских пеших стрелков. Румянцеву докладывали, что 10 рот корпуса численностью в 2282 человека приступили совместно с лейб-кирасирским полком к выполнению заданий²⁶. Эта иррегулярная часть создавалась всякий раз, когда на границе или внутри губерний складывалась напряженная обстановка.

Аналогичный принцип комплектования распространялся и на другие категории населения. Так, 323 555 «войсковых, казенных обывателей, владельческих подданных черкас» Харьковской губернии совместно с такими же категориями населения Воронежской, Курской, Орловской, Уфимской, Кавказской и Тамбовской губерний комплектовали 6 легкоконных полков²⁷.

В 1795 г. Харьковский легкоконный полк получил в счет следуемых ему 254 человек с «цеховых, войсковых и казенных обывателей» Харьковской губернии пополнение в 241 человек, а Ахтырский — 207 человек, но это было значительно меньше положенного и полк отправил команду за новой партией. Получил пополнение и Острогожский полк²⁸.

В сентябре—ноябре 1796 г. Харьковская губерния направила на укомплектование 2 легкоконных полков 237 человек²⁹.

Один из немногочисленных гусарских полков — Воронежский — доносил в конце 1795 г., что он с 1788 г. не получал рекрут, а поэтому комплектовался вербовкой вольных людей. Получив это представление, Румянцев потребовал от коменданта 1-й дивизии генерала Прозоровского, чтобы полк «в двух разных обстоятельствах объяснился, почему он сие представление делает и в развербовании комплектуется...»³⁰. 23 310 воинских поселян также комплектовали легкоконные полки, 5291 участвовали в комплектовании Бугских казачьих полков, 3698, как и донские мещане, в отношении комплектования, рассматривались наряду с казаками³¹.

В связи с такими особенностями комплектования численность подобных казачьих полков была весьма различна. Так, помимо Бугских полков, документы называют казачьи полки Родионова и Бузина, численность которых в январе 1796 г. составляла соответственно 319 и 229 человек³². Активно использовались правительством для подавления волнений на Дону и в наместничествах 3 казачьих Чугуевских полка, где они в тот период квартировали. В подчинении де Рибаса состояла Екатеринославская пешая казачья команда, насчитывавшая в июне 1795 г. 801 человек³³. Комплектование подобных частей целиком зависело от главнокомандующего. Румянцев 13 сентября 1795 г. писал кн. Г. В. Волконскому, что поскольку все эти части находятся под командой последнего, то только от него и зависит их назначение в службу, замена тех, кто «долговременно на службе находился». Учитывая

важную большую протяженность линии, занимаемой дивизией Волконского, особенно по берегу Черного моря, ему же предписывалось «умножение» подобных частей и их численности³⁴.

Значительное число подобных казачьих полков, в большинстве случаев пятисотенных, несло кордонную службу: 5 Донских в дивизии Апраксина-Прозоровского, 7 донских и уральских, 7 поселенных казачьих полков у Гудовича на Кавказской линии. Имел команду Черноморских казаков гребной Черноморский флот. Само собой разумеется, что эти части использовались не только для кордонной службы, но и для выполнения внутренних функций государства. Именно это определило решение создать в 1796 г. Вознесенское казачество во вновь созданной Вознесенской губернии³⁵.

Наконец, стоит упомянуть о комплектовании в Таврической губернии татарских дивизионов, о трехротном греческом дивизионе в Одессе, который в октябре 1795 г. имел 346 человек³⁶.

Как видим, большинство населения территорий, недавно вошедших в состав России, участвовало в комплектовании армии еще не на основе рекрутской системы. Рекрутский набор распространялся лишь на немногочисленное русское население этих территорий. Так, от 45 110 «великороссийских» мещан, цеховых, однодворцев и однодворческих, экономических и выморочных крестьян Харьковской губернии по 68-му набору к июлю 1795 г. было принято 349 рекрут, распределенных по гренадерским полкам де Рибаса и Волконского³⁷.

Как уже отмечалось, рекрутская повинность постепенно распространялась на все новые территории и категории населения и за два дня до объявления о проведении очередного 69-го рекрутского набора, 6 октября 1795 г., был издан указ о сборе рекрут с 654 779 мещан, государственных, дворцовых, экономических помещичьих крестьян, однодворцев и разночинцев Черниговского, Новгородско-Северского и Екатеринославского наместничеств, на которых до этого рекрутская повинность не распространялась. Во исполнение этого указа с перечисленных категорий населения было взято 1196 рекрут (предусмотрен был набор 1200 рекрут)³⁸.

Указ 6 октября 1795 г. оговаривал, что рекрутская повинность не распространяется на те категории населения Украины, которые комплектуют карабинерные и легкоконные полки. Но уже 7 января 1796 г. рекрутская повинность была распространена и на одну из этих категорий — 3446 казачьих подсоседков Новгородско-Северского наместничества, которые раньше вместе с казаками названных украинских губерний комплектовали карабинерные полки. Такая же участь постигла и 1106 русских и 26 864 украинских крестьян, живших в землях Донского казачества, с них было взято соответственно 7 и 55 рекрут³⁹. А через несколько лет рекрутская повинность была распространена на все население Украины, формированное до этого легкоконные полки.

В связи с тем, что с осени 1794 г. рекрутская повинность вводилась на украинских и белорусских землях, вошедших в состав России после разделов Польши, весной и летом 1795 г. в Брацлавской и Изяславской губерниях по приказанию Румянцева большая группа офицеров

²⁵ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 73, лл. 30 об., 32 с об., лл. 4, 7—8.

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 282, ч. 1, лл. 272—274; д. 293, л. 274.

²⁷ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 45 с об.

²⁸ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 49; д. 73, лл. 35, 36 об.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 297, л. 82, л. без номера, следующий за л. 190.

³⁰ Там же, л. 49.

³¹ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 35 об.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 290, л. 41.

³³ Там же, л. 41.

³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 284, л. 191.

³⁵ Там же, л. 384.

³⁶ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 41 об.; ф. ВУА, д. 288, лл. 408—409.

³⁷ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 45; д. 182, лл. 175 об., 176.

³⁸ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, л. 72 об.

³⁹ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 69, лл. 74—75; д. 182, лл. 51—53; ф. ВУА, д. 294, л. 370.

(42 человека) осуществила перепись населения этих губерний и пяти новых уездов, отошедших к России в июне 1795 г.⁴⁰.

Офицеры, осуществлявшие перепись, и были назначены приемщиками рекрут в Волынском, Подольском, Брацлавском наместничествах во время 69-го набора⁴¹, С 2 228 328 душ украинского и белорусского населения Брацлавской, Изяславской, Могилевской, Полоцкой и Минской губерний планировалось получить 4574 рекрута. Число набранных было близко к ожидавшемуся⁴².

Следует отметить еще одно обстоятельство в ходе 68-го набора. Административные и военные власти на новых территориях столкнулись с наличием значительного числа пленных украинских и белорусских крестьян и мещан, служивших ранее в польской армии и участвовавших в восстании под предводительством Т. Костюшко. Они не решались распустить их по домам. Часть пленных отправили в Сибирь, большинство же было определено для восполнения некомплекта в полках русской армии. Так, из Киева в сентябре 1794 г. на Кавказскую линию было отправлено 797 человек. В январе 1796 г. 576 человек из них Гудович распределил по полкам. Характерен состав распределенных: мелкие шляхтичи, мещане, «мужики-косиньеры», которые так важно сражались в рядах повстанцев⁴³. Оставшиеся в Киеве были распределены в конце 1794 г. в гарнизонные батальоны и штатные команды (350 человек), летом 1795 г. в крепостные работы отправлено 238 человек, в полки пехотные и конные определено 63 человека⁴⁴.

20 августа 1795 г. генерал-майору Хрущову, приведшему пленных, Румянцев предписал распределить их по полкам, наблюдая, чтобы «большого роста и годнейшие» люди были определены в grenадерские полки. В 5 grenадерских полков и 5 grenадерских батальонов Волконского, Апраксина, Хрущова было определено 753 человека, в 11 мушкетерских полков и 1 егерский корпус — 731 человек⁴⁵.

В октябре 1795 г. Румянцев в своем отношении к Апраксину, говоря о необходимости распределения оставшихся — 76 пленных по полкам, выразил уверенность, что «опасения полковых командиров в отношении побегов пленных не должны иметь места, ибо быв разделены очень малыми частями по ротам, они могут с пользой на службу быть определены». Тем более «употребление их в гражданской службе по теперешним обстоятельствам», замечал Румянцев, «менее всего полезно и возможно»⁴⁶. В отношении к Н. И. Салтыкову он 19 октября привел цифру в 1568 человек — всего распределенных по полкам (14 наместников, 54 товарища, 11 вахмистров, 23 сержанта, 23 унтер-офицера, 101 капрал, 1342 рядовых). Без распределения остались 146 «жителей новоприсоединенных губерний», которые с давнего времени в службу взяты⁴⁷. В январе 1796 г. определили в крепостные работы и в полки 900 человек приговоренных первоначально к смертной казни⁴⁸. И, наконец, в июле 259 человек были распределены в 2 grenадерские и 5 человек в карабинерные полки⁴⁹. При этом в Малороссийский grenадерский полк по причине недостачи в нем многих людей было

определен 180 нижний чинов бывших польских войск. Кстати, в этот полк еще осенью 1795 г. было определено 134 польских пленных в счет назначенных Военной коллегией рекрут набора 1794 г.⁵⁰. Нужно сказать, что среди польских пленных было немало и русских беглых крестьян, мещан, рекрут, солдат, подобно двадцатиренному помещичьему крестьянину Московской губернии Герасиму Михайлову, который бежал в Польшу в 1792 г. после наказания его шпицрутенами через тысячу человек⁵¹.

Румянцев как в своих рапортах Военной коллегии, так и в приказах и циркулярах командирам подчиненных ему воинских частей, причиной побегов объявлял подговоры зарубежных вербовщиков и утверждал, что большинство побегов приходится на жителей недавно присоединенных территорий, на людей, которые недавно служили в польских войсках⁵². Он даже оправдывает командиров частей, из которых совершили побеги, и заверяет в том, что они не повинны в свершившемся. Но документы опровергают эти утверждения Румянцева. Так, 30 декабря 1794 г. генерал Леванидов рапортовал Румянцеву о побеге рядового 4-го батальона Бугского егерского корпуса Никифора Якимова. Причина побега — жестокие наказания. 15 февраля 1796 г. генерал Прозоровский сообщает о побеге карабинера Дмитрия Борисенко⁵³. Причина побега — постоянные побои. Приведенные примеры отнюдь не были какими-то отдельными случаями. Они были типичны для всей армии Румянцева. Лишь за одно полугодие 1796 г. в 26 пехотных и конных полках и 4 батальонах войск Румянцева, по данным полковых рапортов, умерло 769 и бежало 724 человека (инспекторская ведомость дает несколько иные цифры: 871 и 716 человек)⁵⁴. Другими словами, в мирное время за полгода из армии Румянцева исчезает целый полк! Виновны в этом и командиры полков, и сам Румянцев, и прежде всего крепостная Россия, интересы которой они отражали.

Что за люди пополняли полки, кого приводили в рекрутских партиях? В декабре 1794 г. де Рибас из 2 grenадерских батальонов представил к отставке 95 человек, из которых 56 человек оказались из крестьян, 21 — из однородцев. Возраст их: 17 человек — менее 30 лет, 43 человека — менее 40 лет⁵⁵. В июне 1795 г. Леванидов представил список 139 человек, отставляемых от службы из Ярославского мушкетерского полка, за выслужением пятнадцати и двадцатипятилетнего срока и болезням⁵⁶. Основная масса из крестьян. Возраст от 40 до 50—60 лет. 27 человек — из однодворцев: возраст — от 41 до 46 лет, есть 31—34 года. Болезни: грыжа, глухота, ломота, плохое зрение,увечье.

В смертности не последнюю роль играло и физическое состояние сданных в рекруты. Достаточно привести один из многочисленных примеров, содержащихся в документах. Как рапортовал командир Ярославского мушкетерского полка, в числе полученных им 7 сентября 1795 г. 175 рекрут были: Антон Михайлов «с животной болезнью». 17 лет, «слабоумный» Селуян Фетисов, 25 лет, Филипп Иванов, страдающий падучей болезнью, 35 лет, одноглазый Федор Иванов, 47 лет,

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 290, л. 51 об.

⁴¹ Там же, л. 47.

⁴² ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28; д. 182, лл. 57, 273 об.—276.

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 283, лл. 155—279; д. 288, лл. 59—60 об.

⁴⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, д. 519—523.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 284, лл. 163—167.

⁴⁶ Там же, л. 211.

⁴⁷ Там же, л. 222 с об.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 296, лл. 29—32 об.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 294, л. 289 с об.; д. 298, л. 112.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 73, лл. 7—8. Тогда же и в Астраханский и Киевский grenадерские полки был определен 231 человек.

⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 296, л. 11 об.

⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 297, л. 180.

⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 283, л. 62, с об.; д. 296, лл. 34—37 об.

⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 296, лл. 180—181.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 281, лл. 171—172.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, лл. 104—160.

крайне слабый Григорий Николаев, 50 лет⁵⁷. Несмотря на явные телесные и возрастные недостатки, офицер, принимавший рекрут в Севске, отправил их в полк, отметив лишь изъяны в формулярных списках. В июле 1795 г. конногренадерский Военного Ордена полк представил к отставке 210 человек⁵⁸. Основная масса из казаков Зукраинских губерний. Возраст — менее 40 лет, у 71 человека — менее 30 лет. Причины отставки: слабость, удушье, ломота, киля, венерическая болезнь, последствия ударов лошадей, чахотка в 25—31 год. 3 сентября полк представил новый список на 267 человек⁵⁹, неспособных к полевой службе. Из них 179 человек в возрасте в пределах 30 лет. В службу они призывались в 15, 20, 30 лет.

Отставляемые от службы отправлялись на прежнее место жительства, в гарнизоны, штатные команды, в инвалиды. По данным Военной коллегии конца 1795 г. в гарнизонные батальоны и штатные команды требовалось соответственно: 24 424 и 2895 человек. Только для составления губернских рот и штатных команд в присоединенных к России землях требовалось 1542 человека⁶⁰, 21 августа 1795 г. Леванидов рапортовал об отправке 209 человек, неспособных к полевой службе, из Ярославского полка на укомплектование в Чернигове губернской роты и штатных команд⁶¹. Из дивизии Дерфельдена в штатные команды были направлены 689 человек (из 1658 отставляемых от службы)⁶². В свою очередь, из штатных команд неслужившие в полевой службе спределялись в полки.

Подведем итог. Некомплект полков русской армии за рассмотренный период, с конца 1794 по 1796 г., носил хронический характер. Усиливал его способ доставки рекрут в полки, путь его можно назвать путем длиною в год, ибо пока рекруты добирались до полков, уже издавался указ о новом рекрутском наборе. К тому же во время пути рекрутские партии несли большие потери за счет высокой смертности и многочисленных побегов. Некомплект после приема новых рекрут не только не сокращался, но постоянно увеличивался из-за большого числа отставляемых от службы, умерших и бежавших. Бесправие солдат, жестокие наказания уменьшали численность полков почти в такой же степени, как и участие полков в военных действиях. Назначаемое Военной коллегией число рекрут в полки оказалось меньше требуемого. Большое число рекрут приходилось зачитывать по представленным квитанциям: по 68-му набору были зачтены 11 909 человек, по 69-му — 3748 человек⁶³. Но даже полностью собранное количество рекрут не смогло бы компенсировать некомплекта в полках. Правительство, пытаясь выйти из затруднительного положения, издало новые штаты, привлекло к несению рекрутской повинности жителей присоединенных земель, создавало новые ландмилицкие соединения, определяло в полки крестьян и солдат из бывших польских войск и т. д. Но эти меры не могли исправить положения. Введенная в XIII в. рекрутская система обеспечивала решение задач, стоящих перед регулярной армией. Но эта армия и система ее комплектования отражали все пороки самодержавно-крепостнического строя, господствовавшего в стране.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, л. 253.

⁵⁸ Там же, лл. 173—183.

⁵⁹ Там же, лл. 231—244.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 200, л. 48 с об.

⁶¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 300, л. 204 с об.

⁶² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 290, лл. 19—23 с об.

⁶³ ЦГВИА, ф. 19, оп. 9/28, д. 71, лл. 1 об.—3; д. 182, лл. 273 об.—276.